

ВВЕДЕНИЕ

Конфуций. Мэн-цзы. Лао-цзы. Чжуан-цзы. Сюнь-цзы. О каких-то из этих мыслителей вы, возможно, знаете; о других, вероятно, никогда не слышали. Один был учителем иерархического склада, посвятившим жизнь воспитанию небольшой когорты последователей. Другой скитался по царствам, наставляя местных правителей. О третьем говорили, что он был богом. Их судьбы и сочинения кажутся нам загадочными и бесконечно далекими от современной жизни.

В самом деле, разве могут китайские философы, жившие более двух тысяч лет назад, научить нас, сегодняшних, искусству жизни? Даже если вы иногда задумываетесь о них, они наверняка представляются вам безмятежными мудрецами, изрекающими благодушные банальности о гармонии и природе. Мы же ведем динамичный, свободный, современный образ жизни. Наши ценности, нравы, технологии и культура совершенно не такие, как у них.

Но если вчитаться и вдуматься в эти необычные тексты эпохи классического Китая, то мы обнаружим у каждого из упомянутых мыслителей свой, во многом парадоксальный взгляд на то, как сделать лучше себя и мир — способный, возможно, преобразить наши жизненные установки. Эта книга — прежде всего о том, что у древнекитайских мыслителей, чьи повседневные

проблемы мало чем отличались от наших, можно научиться кардинально новым подходам к тому, как хорошо — благородно и счастливо — прожить свою жизнь.

Большинство из нас убеждены, что для этого в первую очередь следует взглянуть в свой внутренний мир, найти себя и уж потом решить, чего мы хотим. Мы взвешиваем, какая профессия лучше всего сочетается с нашим характером и наклонностями. Представляем, какими качествами должен обладать наш партнер. И полагаем, что, если найдем все это — истинное «я», призвание и вторую половинку, — жизнь сложится благополучно. Что, лишь лелея это «я», мы добьемся счастья, процветания и исполнения всех желаний.

Не все знают, что формула успеха была такой не всегда. Она восходит к шестнадцатому веку, когда французский богослов Жан Кальвин выдвинул концепцию предопределения, избранности и «замысла Господнего», во исполнение коего сотворены все живые существа. Кальвинисты отвергали ритуал, считая его пустой, изжившей себя формальностью, и ратовали за искреннюю веру в высшее божество. Сегодня мы давно уже не рассуждаем в категориях избранности и предопределения, а некоторые из нас и в Бога не верят. Однако наш теперешний ход мыслей во многом остается наследием раннего протестантизма.

Сегодня многие верят, что каждый обязан быть уникальной и глубоко себя познавшей личностью. Мы стремимся к подлинности, ищем истину, пусть уже не в высшем божестве, а в себе самих. Однако наша цель прежняя — стать тем, кем нам было «предназначено».

Но что, если эти представления, призванные вроде бы помогать нам, на самом деле нас только ограничивают?

Слово «философия» многих пугает и отталкивает — сразу представляется что-то абстрактное, а порой неприменимое практически. Но преимущество философских систем, о которых пойдет речь в этой книге, в том, что они иллюстрируют свои тезисы простыми и осязаемыми примерами из повседневности. Ибо китайские мудрецы полагали: большие перемены и счастливая жизнь начинаются именно с будничных мелочей.

Мы надеемся, что вы позволите этим философам поставить под сомнение некоторые из ваших самых заветных убеждений. Что-то из их идей ясно на интуитивном уровне, что-то потребует известных усилий. Мы не ждем, что вы согласитесь со всем, что прочтете. Но само знакомство с концепциями, столь непохожими на наши, позволяет понять, что наши представления о правильной жизни — всего лишь один из множества возможных вариантов. Осознав это, вы уже не сумеете жить как прежде.

1

Век самонадеянности

Сегодня общепринятое представление о прошлом выглядит примерно так. До девятнадцатого столетия люди жили в так называемых традиционных обществах, где им постоянно указывали, что делать. Социальный строй решал их судьбу: родился крестьянином — навсегда останешься крестьянином; родился аристократом — аристократом и умрешь. От семьи, в которой человек появлялся на свет, зависело, сколько денег и власти у него будет, а значит, его жизненный путь оказывался определен с самого рождения.

Но все изменилось: в девятнадцатом веке европейцы наконец вырвались на волю. Мы впервые осознали: каждый из нас — отдельная разумная личность. Мы сами можем принимать решения и распоряжаться своей жизнью. Будучи существами рациональными, мы способны построить мир беспрецедентных возможностей. День, когда мы это поняли, стал первым днем современности.

Впрочем, вырваться сумели не все. Другие культуры, как нам кажется, отстали. Многие видят в классическом Китае яркий пример традиционного общества, где каждый обязан исполнять строго определенную социальную роль, чтобы не нарушать упорядоченной иерархии.

Получается, у такого общества нам учиться нечему.

Правда, иногда подобное понимание традиционного уклада в целом и Китая в частности приобретает романтический флер: «Не в пример нам, отчужденным даже друг от друга, люди традиционной культуры стремились к гармонии с космосом. Мы вырвались из естественного мира и норовим укротить его и подчинить себе, а они старались жить в соответствии с законами и ритмами природы».

Но и от этого сентиментального взгляда на традицию прока тоже немного. Он лишь дополняет общепринятое мнение ностальгическими этюдами. Мы можем подойти в музей к египетской мумии и подумать: «Занятно». Древнекитайский артефакт? «Необычно». Посмотреть, конечно, интересно, но вернуться в то время — в мир, который олицетворяют эти экспонаты, — что-то не тянет. Нам незачем жить в традиционных обществах и чему-то учиться у людей древности, таких несовременных. Ведь это *мы*, а не они наконец поняли, что к чему.

Однако, как мы вскоре выясним, многие из наших стереотипных представлений о «традиционном» укладе глубоко ошибочны. И прошлое может многому нас научить.

Наше представление о прошлом опасно не только тем, что из-за него мы отвергаем огромный отрезок истории как устаревший и ненужный. Страшно, что мы верим, будто лишь современному человеку удалось стать хозяином своей жизни, и потому главенствующие идеи современности являются единственно верными.

На самом же деле концепций, в которых человеку отводится роль творца собственной судьбы, великое

множество. Осознав это, мы увидим, что «современность» — всего лишь одно из возможных мировоззрений, обусловленное местом и временем. Нам откроется целая вселенная мысли — и поставит под сомнение кое-какие из дорогих нашему сердцу мифов.

Миф: Мы живем в эпоху невиданной свободы

Большинство из нас полагает, что мы, в отличие от предков, по сути свободны. После того как в девятнадцатом веке Запад порвал с традиционным укладом, мы наконец-то получили возможность наводить в мире свои порядки. Два столетия мы провели в схватке соперничающих идеологий: социализма, фашизма, коммунизма и демократического капитализма. А когда все эти идеи (кроме одной) в целом себя дискредитировали, наступил «конец истории». После падения Берлинской стены в 1989 году неолиберализм как будто завоевал право называться единственно верной моделью мирового устройства — такой, при которой люди лучше всего живут и развиваются.

Но как в таком случае быть с самодовольством, унынием и тревогой, охватившими развитые страны? Нам твердят, что упорный труд ведет к успеху, однако пропасть между богатыми и бедными растет с пугающей скоростью, а социальные лифты работают все хуже. Мы окружили себя всевозможными удивительными устройствами, достигли беспрецедентных успехов в медицине — и в то же время спровоцировали чудовищные экологические и гуманитарные кризисы. За несколько десятилетий наш оптимизм испарился. Былой веры в правильность избранного пути уже нет.

Так во многом ли мы разобрались? Будут ли историки, оглядываясь на нашу эпоху, называть ее эпохой процветания, равенства, свободы и счастья? Или же назовут начало двадцать первого столетия эпохой самонадеянности — временем, когда люди были несчастливы и разочарованы; когда на них обрушивались кризисы, а они ничего не могли поделать, потому что не видели реальной альтернативы?

Между тем китайские философы ее предлагают. Но это не стройные идеологические системы, претендующие, скажем, на альтернативу демократии, а парадоксальные мысли о нашем «я» и его месте в мире. Причем многие из них развились как раз в противовес идее единого, «правильного» мировоззрения, в соответствии с которым нужно строить жизнь.

Бурное развитие философских и религиозных течений, происходившее в Евразии примерно с 600 по 200 год до н. э., породило огромное разнообразие концепций процветания. В этот период, названный впоследствии Осевым временем, многие из идей, зародившихся в античной Греции, параллельно появились в Китае, и наоборот. Более того, мы увидим, что некоторые системы взглядов, сложившиеся в Китае тех лет, имеют много общего с достижениями современной западной мысли. Только на китайской почве они не прижились, и на смену им пришли другие концепции, предлагающие другие рецепты правильной жизни.

Поэтому не следует противопоставлять «китайские» идеи «западным» или «традиционным» — «современным». По мере изучения древнего философского наследия мы не только увидим, что вопрос об оптимальном устройстве мира занимал человека задолго до

наступления современной эпохи, но также убедимся, что кроме нашего представления о достойной жизни и путях ее достижения есть и другие.

Миф: Мы знаем, как определять направление нашей жизни

На Западе нас учат планировать счастье и успех, полагаясь на логику; мы убеждены, что, если рассчитать все в деталях, решение обязательно найдется. Перед лицом неизвестности мы утешаемся верой, что, преодолев эмоции и пристрастия и ограничив свой опыт исчисляемыми данными, мы обуздаем случай и победим судьбу. Посмотрите, как мы обычно подходим, скажем, к морально-этическому выбору: выстраиваем гипотетическую ситуацию и подвергаем ее рациональному анализу. В известном мысленном эксперименте нам предлагают представить, будто мы находимся в депо и видим, что по рельсам несетя неуправляемая вагонетка, которая вот-вот задавит пятерых привязанных к рельсам человек. Есть возможность перевести стрелку и пустить вагонетку по другому пути, где она наедет на одного человека. Будем ли мы стоять и смотреть, как вагонетка давит пятерых, или переведем стрелку, чтобы спасти их, — и убьем того, кто на запасном пути?

Как поступить?

Авторитеты в области философии и этики бьются над этим вопросом десятки лет. Написано несчетное количество эссе и даже пара книг. Предлагаемый в них сценарий позволяет нам, постепенно сокращая количество возможных вариантов, выбрать единственное

решение. Большинство из нас полагает, что решения именно так и принимаются.

В классическом Китае тоже пробовали ставить подобные умозрительные эксперименты. Но наши китайские мыслители проявили к ним куда меньший интерес. Занятная интеллектуальная игра, заключили они, но в такие игры можно играть с утра до ночи, и они никак не повлияют на вашу повседневность. Ни в коей мере.

Наши представления о том, как мы живем, не соответствуют тому, как мы живем на самом деле. И решения мы принимаем не иначе, чем нам это видится. Даже если вы однажды попадете в депо за несколько мгновений до чьей-то смерти под колесами вагонетки, ваша реакция не будет иметь ничего общего с рациональным расчетом. В таких ситуациях мы повинемся инстинктам и эмоциям, и они же руководят нашими менее спонтанными решениями, даже если нам кажется, что мы действуем взвешенно и рационально. Что съесть на ужин? Где поселиться? На ком жениться / за кого выйти замуж?

Видя ограниченность рационального подхода, китайские философы искали ему альтернативу. Решение, которое они для себя нашли, состоит в следующем. Нужно оттачивать инстинкты, облагораживать эмоции и непрерывно находиться в процессе саморазвития, чтобы в итоге на каждую ситуацию, критическую или будничную, реагировать адекватно и этично. Подобная реакция вызывает положительный отклик у тех, кто нас окружает. Таким образом, по мнению китайских мыслителей, каждая встреча и каждое переживание дает нам возможность строить новый, лучший мир.

Миф: Правда о том, кто мы такие, заключена в нас самих

После крушения теократических институтов людям Осевого времени пришлось искать новые источники истины и смысла. Похожие поиски идут и в наш век, поскольку нам тоже стало тесно в устаревших шаблонах мышления. Нам все настойчивее твердят, что высшая истина сокрыта в нас самих. Теперь состоявшемуся человеку полагается «найти себя» и жить «подлинной жизнью», в согласии с внутренней истиной.

Опасность в том, что мы верим, будто каждому под силу распознать, в чем его «подлинность», и готовы ограничивать себя в соответствии с ней. Вкладывая столько сил в самоопределение, мы рискуем построить свое будущее на весьма шатком представлении о том, кто мы такие, — на предположениях о своих сильных и слабых сторонах, симпатиях и антипатиях. Китайские мыслители могли бы заметить, что в таком ракурсе мы видим лишь малую часть своего потенциального «я». Мы берем определенное количество эмоциональных наклонностей, ограниченных местом и временем, и делаем из них ярлык на всю жизнь. Представляя человеческую природу монолитной, мы уже одним этим ограничиваем свой потенциал.

Многие китайские философы не согласились бы, что вы единая и неделимая сущность, и посоветовали не думать о себе в таком ключе. Допустим, вы считаете, что у вас вспыльчивый характер и вас легко разозлить. Мыслители, с которыми мы скоро познакомимся, сказали бы, что вам не стоит повторять: «Такой уж я человек» — и принимать себя в данном качестве. Вполне

возможно, что злость не является вашей врожденной чертой. Вероятно, вы просто попали в некую поведенческую колею и теперь она определяет ваше представление о себе. На самом деле шансов быть благодушным и снисходительным у вас ничуть не меньше, чем злиться на все на свете.

Китайские мудрецы призвали бы нас признать, что мы многогранны и постоянно меняемся. В каждом человеке сочетается множество разных, зачастую противоречивых склонностей, желаний и предрасположенностей к тем или иным реакциям. Наш эмоциональный облик формируется, когда мы смотрим *наружу*, а не *внутрь* себя. Он не меняется, когда вы отгораживаетесь от мира, чтобы помедитировать, или уезжаете в отпуск. Его определяет ваша повседневная жизнь: то, как вы общаетесь с людьми и выполняете привычные дела. Поэтому неправильно говорить, что мы таковы, какие есть: ведь мы в состоянии неустанно совершенствоваться.

Разумеется, это задача не из простых. Она требует по-новому взглянуть на свои возможности и на то, как происходят настоящие перемены. К тому же с наскока ее не решить — успех приходит постепенно и только к настойчивым. Мы меняемся, когда приучаем себя расширять сознание, чтобы улавливать все факторы в их хитросплетении (например, отношения, в которые мы вовлечены, круг, к которому мы принадлежим, профессию, должность и прочие обстоятельства), определяющие любую конкретную ситуацию, и постепенно трансформировать способы взаимодействия со всем, что нас окружает. Такое объемное восприятие позволяет нам вести себя так, чтобы шаг за шагом приближать настоящие перемены.